

Борис Пастернак: уральские страницы жизни

• Владимир Божье •

Просматривая фотографии Бориса Пастернака, не перестаешь удивляться. Сколько бы лет ему на них не было, он везде одинаков. Причиной тому глаза. Большие и грустные. Фаина Раневская вспоминала, что как-то Анна Ахматова сказала ей: «Фаина, вам 11 лет и никогда не будет 12», а затем, поглядев на Пастернака, бросила: «А ему всего 4 годика». Ошибалась.

Кажется, в нем никогда не было детской беззаботности и уверенности в доброте этого мира. В автобиографических записках Пастернак признавался, что не раз в детстве был близок к самоубийству. Его душа с рождения страдала. Он метался в противоречиях, отвергал то, что казалось его предназначением, пытался найти смысл в том, в чем его не было, отчаивался, чтобы в следующий миг с упорством летящего на свет мотылька двигаться дальше. Как в известной стихотворной строчке Николая Заболоцкого, его душа трудилась «и день и ночь, и день и ночь». Все работало на глубину познания жизни. В этом кропотливом труде не стали пустыми для писателя и дни, прожитые им на Урале.

ИЗ МУЗЫКИ В ЛИТЕРАТУРУ...

Борис Леонидович Пастернак родился в 1890 году в Москве, в семье известного художника и талантливой пианистки. С детства соприкасался с миром искусства. Квартира Пастернаков располагалась при Училище живописи, ваяния и зодчества. Из окна своей кухни он наблюдал, как трудится вернувшийся из Италии скульптор Паоло Трубецкой, автор известного памятника императору Александру III, видел, как на улице распаковывают картины передвижников и несут их в училище на выставку. Став постарше, Борис помогал отцу, развлекая разговорами позировавших ему знаменитостей — историка В. О. Ключевского и поэта Э. Верхарна. В квартире у Пастернаков бывал Лев Толстой. Вместе с отцом Борис ездил на станцию Астапово в трагические дни, когда завершился жизненный путь великого писателя. Однако не литература на первых порах взяла в полон душу Бориса Пастернака, а музыка.

В родительском доме нередко проходили концерты с участием его матери — урожденной Розы Кауфман, пожертвовавшей своей музыкальной карьерой, чтобы воспитывать детей. Как вспоминал сам Борис Леонидович: «К звуку фортепиано в доме я привык, на нем артистически играла моя мать. Голос рояля казался мне не-

отъемлемой частью самой музыки». С раннего детства он пробовал играть на фортепиано, пытался сочинять свои мелодии. Но подлинная страсть к музыке пришла к Борису Пастернаку под влиянием известного композитора А. Скрябина — соседа по даче. Очарованный обаянием личности композитора, свежестью его суждений, юноша на протяжении 6 лет изучал теорию композиции в Московской консерватории и видел свое будущее в музыке. «Судьба моя была решена, путь правильно избран. Меня пророчили в музыканты», — вспоминал он спустя годы. Его кумир — вернувшийся из Швейцарии Скрябин — отметил молодое дарование («...выслушал, поддержал, окрылил, благословил меня»). Казалось бы, чего еще надо? Но в Борисе Пастернаке уже жило то, что он потом так замечательно сформулирует: «Цель творчества — самоотдача, / А не шумиха, не успех. / Позорно, ничего не знача, / Быть притчей на устах у всех». По мнению Пастернака, он не обладал достаточной фортепианной техникой, чтобы достичь каких-либо достойных результатов («При успешно подвинувшемся сочинительстве я был беспомощен в отношении практическом. Я едва играл на рояле и даже ноты разбирал недостаточно бегло»). Ко всему прочему, у него отсутствовал абсолютный музыкальный слух. И Борис Пастернак совершает мужественный, почти фантастический шаг — уходит из музыки

(«Музыку, любимый мир шестилетних трудов, надежд и тревог, я вырвал вон из себя, как расстаются с самым драгоценным... Перестал прикасаться к роялю, не ходил на концерты, избегал встреч с музыкантами»).

В 1906 г. Пастернак поступает на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Однако и философия, несмотря на очевидные успехи в ней, не стала его призванием.

В жизни Бориса Леонидовича все большую роль начинает играть литература. Его первые стихотворения отметил Сергей Николаевич Дурьлин, человек на Южном Урале известный. В 1923—1924 гг. за религиозно-философские взгляды он был определен на поселение в Челябинск, где стал одним из основателей Челябинского краеведческого музея, исследователем археологического и этнографического прошлого нашего края. Б. Л. Пастернак позднее так охарактеризовал роль Сергея Николаевича в своей жизни: «Это он переманил меня из музыки в литературу, по доброте своей, сумев найти что-то достойное в моих первых опытах». В 1913 году стихи Пастернака впервые опубликованы. По рекомендации Дурьлина они были включены в альманах «Лирика». На страницах этой книги читатели впервые прочитали и такое ныне широко известное стихотворение Пастернака, как «Февраль! Достать чернил и плакать...» ➔

УРАЛЬСКИЕ МОТИВЫ «ДОКТОРА ЖИВАГО»

В своих литературных пристрастиях Борис Пастернак изначально тяготел к символизму. В 1914 году увидел свет его первый поэтический сборник «Близнец в тучах», получивший высокую оценку Валерия Брюсова; стихи Пастернака произвели впечатление и на Федора Сологуба. Но к этому времени символизм был для Пастернака уже днем вчерашним, поэтому у самого автора с годами отношение к первой своей книжке значительно ухудшилось.

В 1914 году образовалась новая группа «Центрифуга», продекларировавшая переход на футуристические позиции. Пастернак вошел в нее. К этому периоду относится его сближение с В. В. Маяковским, которое имело двойное влияние на Пастернака. С одной стороны, масштаб таланта последнего заставил Пастернака задуматься о том, нужно ли ему быть в литературе. В автобиографической повести «Охранная грамота» он написал об этом прямо: «Я сознавал себя полной бездарностью... Если бы я был моложе, я бросил бы литературу». С другой стороны, Пастернак почувствовал свое сходство с Маяковским — «технические совпадения, сходное построение образов, сходство рифмовки», поэтому, чтобы не по-

вторять его и не казаться подражателем, стал «подавлять в себе задатки, с ним перекликавшиеся, героический тон... и стремление к эффектам». Это дало свои результаты, при этом, как отмечал сам Пастернак, сузило его «манеру и ее очистило». Стихи, написанные им летом 1917 года и вышедшие в сборнике «Сестра моя — жизнь» (1922), его уже вполне удовлетворяли.

В предреволюционные годы у Пастернака развивается интерес и к прозе. В немалой степени этому способствовала его жизнь на Урале, где у него появился совершенно иной, не похожий на его предыдущую жизнь опыт. В январе 1916 года он выехал в Пермскую губернию, где ему предложили поработать помощником Бориса Збарского, управляющего химических заводов, талантливого ученого, который позднее разработал технологию бальзамирования тела В. И. Ленина. Пастернак прожил около полугода в поселке Всеволодо-Вильва, а затем несколько месяцев в Тихих горах на Каме, на химических заводах Ушковых (Елабужский уезд Вятской губернии), где перебравшийся туда Збарский подыскал для него должность в военно-учетном столе. В одном из писем к отцу Борис Леонидович писал: «Здесь имеется провинциализм и больше, уездовщина, и больше, глупая уральская уездовщина неотстоянной густоты и долголетнего настоя. Но все это или многое уже уловлено

Чеховым, хотя, надо сказать, нередко со специфической узостью юмориста обещавшегося читателю смешить его. Этот дух не в моем жанре, и литературно вряд ли я мои здешние наблюдения использую. Косвенно, конечно, все эти тени и типы в состав моей костюмерной войдут и в ней останутся». Однако в реалии впечатления от новых мест были настолько яркими, что Пастернак просто не смог их не использовать. Здесь родились стихотворения «Урал впервые», «Ивака», «На пароходе». Еще большие связи с Уралом обнаруживаются в прозаических произведениях Пастернака. Женья, героиня «Детства Люверс», родилась и выросла в Перми. Действие «Повести» происходит в другом уральском городе — Усолье. Уральскими страницами наполнен и «Доктор Живаго». В городе Юрятине, описанном в романе, отчетливо проступают пермские реалии. Героиня романа Лара — уроженка Юрятиня, в нем же разворачиваются основные события второй книги.

Находясь вдалеке от столичной суетной жизни, Пастернак решил многие важные для себя вопросы, окончательно связав себя с литературой. У него навсегда остались самые добрые воспоминания об Урале. На одной из фотографий, сделанных во Всеволодо-Вильве, он написал: «Это было одним из самых лучших времен моей жизни...»

НАХОДЯСЬ ВДАЛЕКЕ ОТ СТОЛИЧНОЙ СУЕТНОЙ ЖИЗНИ, ПАСТЕРНАК РЕШИЛ МНОГИЕ ВАЖНЫЕ ДЛЯ СЕБЯ ВОПРОСЫ, ОКОНЧАТЕЛЬНО СВЯЗАВ СЕБЯ С ЛИТЕРАТУРОЙ. У НЕГО НАВСЕГДА ОСТАЛИСЬ САМЫЕ ДОБРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УРАЛЕ. НА ОДНОЙ ИЗ ФОТОГРАФИЙ, СДЕЛАННЫХ ВО ВСЕВОЛОДО-ВИЛЬВЕ, ОН НАПИСАЛ: «ЭТО БЫЛО ОДНИМ ИЗ САМЫХ ЛУЧШИХ ВРЕМЕН МОЕЙ ЖИЗНИ...»

ПОЕЗДКА В ЧЕЛЯБИНСК

Октябрьская революция и перемены, произошедшие в жизни страны, поначалу воспринимались Пастернаком отстраненно. «Революция, хороша она или плоха, близка ли мне или далека, есть все-таки осмысленная и единственная реальность с какой-то своей закономерностью и логикой», — писал он родителям в сентябре 1924 года. Его стихи издавали, его голос слышали. С родителями и сестрами, выехавшими за границу, сохранялись тесные контакты: регулярная переписка, возможность посетить их. Духовный минимум, чтобы жить, был. Наиболее талантливые из властьпридержащих пытались наставить на путь истинный. Николай Бухарин, один из идеологов большевизма, в докладе на I съезде Союза советских писателей (1934 г.) отмечал: «Борис Пастернак является поэтом, наиболее удаленным от злобы дня. Он, безусловно, приемлет революцию, но он далек от своеобразного техницизма эпохи, от шума быта, от страстной борьбы. Со старым миром он идейно порвал еще во время империалистической войны и сознательно стал «поверх барьеров». Кровавая чаша, торгашество буржуазного мира были ему глубоко противны, и он «откололся», ушел от мира, замкнулся в перламутровую раковину индивидуальных переживаний, нежнейших и тонких... Это — воплощение целомудренного, но замкнутого в себе лабораторного искусства, упорной и кропотливой работы над словесной формой... Пастернак оригинален. В этом и его сила, и его слабость одновременно: оригинальность переходит у него в эгоцентризм...» В «Литературной энциклопедии», вышедшей в 30-е годы XX века, отмечалось: «Крупное поэтическое дарование П(астернака) обусловило за ним репутацию большого и своеобразного поэта, оказавшего влияние на советскую поэзию», правда, тут же говорилось, что он «никогда не был

субъективно против пролетарской революции. Но... не находился и в рядах активных борцов за нее». А между тем времена менялись, и находиться вне системы, над ней было все труднее и труднее. Ее надо было либо принимать и соответственно служить ей, либо отвергать и тогда быть готовым ко всему, вплоть до смерти. Ощущение, что он чужой для своей родины, что он не такой как все, мучило Пастернака. Он болезненно размышлял и искал ошибки в себе. Надеялся принять то, что не мог принять биологически. Чтобы убедиться в правоте своих критиков, он в мае 1931 года вошел в бригаду газеты «Известия», состоявшую из деятелей культуры, пожелавших познакомиться с ударными стройками первой пятилетки. В этой бригаде были люди яркие и творческие, но мало созвучные Пастернаку.

На Урал выехали: редактор журнала «Новый мир» и отдела литературы, искусства и языка 1-го издания БСЭ Вячеслав Полонский, классики социалистического реализма прозаики Федор Гладков и Александр Малышкин и художник Василий Сварог, создавший ряд работ, призванных показать «человеческое лицо» советских руководителей («Члены Политбюро среди детей в Парке культуры», «Товарищи К. Е. Ворошилов и А. М. Горький в тире ЦДКА» и т. п.).

Это были люди, вполне вписавшиеся в советскую действительность и подходившие для роли агитаторов за те ценности и устои, которыми хотел проникнуться в ходе поездки Пастернак. Взаимоотношения с ними поначалу не тяготили Бориса Леонидовича. «Добрая глуповатая компания, славные люди. Едем с водкой и провизии закуплено на 400 рублей», — писал он Зинаиде Николаевне Нейгауз. «На поездку смотрю как на цепь званных ужинов, только что на колесах. Уже заявили руководителю бригады, что нигде выступать не будем» (29 мая 1931 г.). Однако столь радужным планам Пастернака не суждено было сбыться. На дворе стоял 1931 год. Полным ходом шло раскулачивание, проведены были разгром церкви, «Шахтинское дело», процессы Промпартии и Трудовой крестьянской партии. →

→ Вячеслав Полонский ←

→ Федор Гладков ←

→ Александр Малышкин ←

→ Василий Сварог ←

Пастернак. Шарж Кукуриников

«Большой скачок» в промышленности привел к голоду. Проезжая по стране, писатели не могли этого не видеть. В книге о Пастернаке, вышедшей в серии «ЖЗЛ», Д. Л. Быков приводит слова, сказанные Пастернаком Варламу Шаламову: «Я... был поражен поездкой — вдоль вагонов бродили нищие в домотканой южной одежде, просили хлеба. На путях стояли бесконечные

эшелоны с семьями, детьми, криком, ревом, окруженные конвоем, — это тогдашних кулаков везли на север умирать. Я показывал на эти эшелоны своим товарищам по писательской бригаде, но те ничего путного ответить мне не могли».

После выхода в свет книги Д. Быкова появился ряд откликов и дополнений, важных для нас в свете рассматриваемой темы. В частности, в Интернете В. И. Скурлатов цитирует воспоминания Вячеслава Полонского «Моя борьба на литературном фронте» (опубликованы в журнале «Новый мир» за 2008 г.), показывающие, что в шоке от увиденного был не только Пастернак: «Мальшкин в вагоне, когда провезли мимо эшелон кулацких семей, зашел ко мне в купе, плакал и говорил: "Ничего не понимаю. Зачем их везут? Куда? Кому это нужно? Неужели надо, чтобы так растаскивали и губили цвет нации, здоровый, красивый народ?" Из верхнего окна теплушки, вверху — голов десять: и грудные ребята, и девушки лет по шестнадцати, и голова деда, и паренек лет под двадцать. Его спросили: "Кто вы такие?" "Да все кулачье, — смеясь, ответил он. — Куда везут? Да не знаем". И все это без злобы. Детишки с любопытством высматривают из окна».

И вот Челябинск... О том, что столичные гости увидели в городе, подробно рассказал в своих записках известный челябинцам Анатолий Иванович Александров (1911—1997), заслуженный учитель РСФСР, а в 1931 году — литературный сотрудник газеты ЧТЗ «Наш трактор».

Высоких гостей решили сразу же удивить и организовали для них так называемый бетонный вечер. Суть его состояла в следующем. На строительстве завода использовали бетономешалки фирмы «Кайзер», которые должны были за 8 часов работы давать 100 замесов бетона. Передовые же бригады умудрялись сделать за смену по 500-800 замесов. Именно эти рекордные показатели и призваны были продемонстрировать бетонные вечера. Обставлено это было следующим образом: «Под звуки оркестра с переходящими красными знаменами, завоеванными в социалистическом соревновании, бригада Ивана Монахова выходит на место работы... Разбираются тачки, в которых отвозится готовый бетон. Быстрая и четкая расстановка по местам. Сигнал. Включается бетономешалка, и бригада с ходу берет напряженный ритм в работе. Люди в порыве бегают с тачками бетона... Включаются прожектора,

бросающие яркие блики на лоснящиеся от пота обнаженные торсы бетонщиков. Непрерывно играет оркестр, невольно захваченный общим порывом ударного ритма ударной работы. Марши сменяются вальсами и снова марши...» Как вспоминал Александров, писатели первоначально переговаривались между собой и расспрашивали его о происходящем. Потом затихли и через час «молча, под большим впечатлением от увиденного», возвратились к месту своего расквартирования.

Безусловно, в этой картинке, когда несколько по пояс раздетых мужчин с большим напряжением физических сил бегают под музыку с тачками бетона, а другая группа мужчин довольно долго стоит и созерцает все это, было что-то странное, напоминающее не очень хорошее шоу, но руководство Челябинского тракторостроя было убеждено, что бетонные вечера демонстрируют «прекрасную картину праздничного труда», поэтому время от времени повторяло их для очередных гостей стройки. На русских писателей это, по всей видимости, не произвело большого впечатления, по крайней мере нам неизвестно, чтобы кто-то из них на это как-то откликнулся... Зато на французского сюрреалиста Луи

Арагона, прибывшего на стройку год спустя, произвело, и он, видимо, отдав дань размышлениям о «загадочной русской душе», отозвался циклом стихов «Ура, Урал», в котором было и стихотворение «Вальс Челябинского тракторостроя».

Бригада же газеты «Известия» перешла к обычному для подобных групп распорядку дня. Писатели встречались с трудящимися предприятий города, читали свои произведения, отвечали на вопросы. В воскресный день произошла встреча в зале Центральной городской библиотеки, располагавшейся на улице Цвиллинга в двухэтажном каменном доме. В читальном зале на 150 человек желающих пообщаться с писателями собралось в два раза больше. Многие стояли в проходах. Пастернак выступал последним и дольше других — читал стихи и отрывки из поэм «1905 год» и «Лейтенант Шмидт». Как вспоминал А. И. Александров: «О себе он ничего не говорил. Читал много и хорошо. Слушатели встретили его выступление очень тепло и сердечно». На ура прошло выступление Пастернака в комсомольской молодежной производственно-бытовой коммуне. «Коммунары долго не хотели отпускать Бориса Леонидовича...»

Анатолий Александров

Но не все было так радужно. Пастернак почти не общался с коллегами. Вне мероприятий был молчалив, больше слушал, чем говорил. Александров отмечал, что несколько раз во время передвижения по городу группа вдруг обнаруживала, что Пастернак отстал, остановившись в задумчивости, и посылала его как самого молодого сказать Борису Леонидовичу, что его ждут. Возможно, это было связано с взаимоотношениями, сложившимися к этому времени среди прибывших в Челябинск писателей. Вот что писал о Пастернаке В. Полонский в своих воспоминаниях о челябинской поездке 1931 года: «Он там нас дискредитировал. →

Экскаватор «Менк»

Подготовка котлованов для первых цехов

Бетономешалка

Строители-бетонщики за работой

На заводе кирпичном, где нас как писателей директор завода просил о чем-то написать, он ворвался в разговор и извиняющимся каким-то голосом, точно мы были хлестаковыми, сказал: «Да что вы, да мы сами ничего не можем, да ведь вы, знаете, сами...» — и что-то в этом роде, извиняющееся, конфузящееся. В редакции, где молодые люди показали ему свои политические стихи и спросили его мнение, он заявил: «Все это чепуха, не надо писать политические стихи» — и т. д. То есть завел такие речи, что я ему заметил: «Бросьте, Пастернак, вы нас дискредитируете. Ведь мы не согласны с вами. Не говорите такие вещи от нашего имени»».

Упомянувшийся выше Скурлатов относительно приведенных Быковым воспоминаний В. Шаламова пишет: «Искренне-народный русско-советский писатель Александр Георгиевич Малышкин, автор знаменитых литературных полотен «Падение Даира» (1923) и «Люди из захолустья» (1937—1938), плакал, переживая за цвет русского низового хозяйствования. Тонкая же душа Бориса Пастернака вся устремлялась в это время к жене своего друга Зинаиде Нейгауз, и лишь через двадцать с лишним лет он вспомнил про народную беду — поездка с выслаемыми куда-то в Сибирь и на Север семьями кулаков». И это абсолютно, на наш взгляд, не соответствует действительности.

Пастернак все понял в том же 1931 году. В письме к З. Н. Нейгауз, датированном началом июня этого года, он писал: «Строятся действительно огромные сооружения. Громадные пространства под стройкой, постепенно покрываясь частями зданий,

дают понятие о циклопических замыслах и о производстве, которые в них возникают, когда заводы будут построены. Хотя это говорилось сто раз, все равно сравнение с Петровой стройкой напрашивается само собой. Таково строительство в Челябинске, т. е. безмерная, едва глазом охватываемая площадь на голой, глинисто-песчаной почве, тянущаяся за городом в параллель ему. Над ней бегут грязные облака, по ней бегут облака сухой пыли, и вся она на десятки километров утыкана нескончаемыми лесами, изрыта котлованами и пр. и пр. Это строят тракторный завод, один только из цехов которого растянулся больше чем на полверсты, т. е. будет ютиться больше чем 2 кв. километра под одной крышей».

Но не для того, чтобы убедиться в масштабности реализуемых проектов, приехал в Челябинск Пастернак. Он хотел знать, как и герой картины известного ему художника Н. Н. Ге, что есть истина? А потому увидел в Челябинске и другое: «...рядовая человеческая глупость нигде не выступает в такой стадной стандартизации, как в обстановке этой поездки. Поехать стоило и для этого. Мне всегда казалось, что бесплодие городского ударного языка есть искаженный отголосок какого-то другого, на котором на местах говорит, быть может, правда. Я уверился в обратном... Теперь мне ясно, что за всем тем, что меня всегда отталкивало своей пустотой и пошлостью, ничего облагораживающего или объясняющего, кроме организованный посредственности, нет и искать нечего, и если я и раньше никогда не боялся того, что чуждо мне, то теперь уже и окончательно робеть

не буду. Какая бы победа ни была суждена нелюбимому, полюбить это из одних соображений о его судьбе я не в силах». Фактически выбор был сделан. Пастернак не принял системы. Ни в Магнитогорск, ни в Кузнецк он уже не поехал.

В Челябинске нравственный узел, мучивший его, развязался. Он вновь обрел внутреннюю свободу, которая и позволила ему создать то, что он считал трудом своей жизни — роман «Доктор Живаго». В разгар борьбы вокруг этого романа, когда, с одной стороны, Пастернаку была присуждена Нобелевская премия, а с другой — он был исключен из Союза писателей и заклеямен как изменник родины, Борис Леонидович писал своим сестрам: «Возвращаюсь к роману. Вы будете иметь возможность прочесть его. Быть может, он даже вам не понравится — надоедливой и чуждой философией, скучными растянутыми местами, несобранностью первой книги, серой неэффективной бледностью переходных мест. И все-таки, все-таки это большой труд, книга огромного, векового значения, судьбы которой нельзя подчинять моей судьбе и вопросам моего благополучия, но существование которой и выход в свет, где это возможно, важнее и дороже моего собственного существования».

Его не расстреляли, как Николая Гумилева, он не затерялся в лагерях ГУЛАГа, как Осип Мандельштам, не свел счеты с жизнью, как Марина Цветаева. Он просто прожил свою жизнь, но прожил честно и талантливо, что для времени, выпавшего на его долю, да и для любого времени, согласитесь, немало.

В ЧЕЛЯБИНСКЕ НРАВСТВЕННЫЙ УЗЕЛ, МУЧИВШИЙ ЕГО, РАЗВЯЗАЛСЯ. ОН ВНОВЬ ОБРЕЛ ВНУТРЕННЮЮ СВОБОДУ, КОТОРАЯ И ПОЗВОЛИЛА ЕМУ СОЗДАТЬ ТО, ЧТО ОН СЧИТАЛ ТРУДОМ СВОЕЙ ЖИЗНИ — РОМАН «ДОКТОР ЖИВАГО».